



MPS

The Mont Pelerin Society

КВИН СЛОБОДЯН
ОРДЕН
ЛИБЕРАЛОВ
КАК ОБЩЕСТВО
МОН ПЕЛЕРИН
ИСПОРТИЛО
ЖИЗНЬ
ВСЕМУ МИРУ



ДОКУМЕНТАЛЬНЫЙ

ТРИЛЛЕР

Документальный триллер

Квин Слободян

**Орден либералов. Как
общество Мон Пелерин
испортило жизнь всему миру**

«Алисторус»

2026

УДК 330.831.8:327.8
ББК 65.02стд1-223

Слободян К.

Орден либералов. Как общество Мон Пелерин испортило
жизнь всему миру / К. Слободян — «Алисторус»,
2026 — (Документальный триллер)

ISBN 978-5-00269-407-5

Эта книга - исследование деятельности одной из самых влиятельных и закрытых организации современности. Автор прослеживает путь общества Мон Пелерин от скромного интеллектуального кружка до кузницы кадров, изменившей политический ландшафт планеты. На страницах раскрывается механизм превращения радикальных идей социал-дарвинизма и культа «свободного рынка» в государственную политику. Вы узнаете, как теории, замешанные на крайнем индивидуализме, расизме и презрении к традиционным ценностям, захватили умы западных элит. В книге подробно рассказывается о идеологии Мон Пелерин, которая вскормила диктатуру Пиночета в Чили, привела к власти Рейгана в США и Тэтчер в Британии, а после распада СССР ее «младореформаторы» использовали Россию как гигантский полигон для социальных экспериментов. Перед читателем предстанет неприглядная картина философии выживания сильнейшего и радикальной протестантской этики, лишенной милосердия, которые привели к эрозии социальных государств и демонтажу традиционных устоев. Автор доказывает, что Мон Пелерин не ушла в тень после холодной войны — ее агенты влияния продолжают вредить всему миру, продвигая политику, ведущую к новому витку неравенства и глобальной нестабильности. Это история о том, как идеи становятся оружием массового поражения. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 330.831.8:327.8
ББК 65.02стд1-223

ISBN 978-5-00269-407-5

© Слободян К., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

Введение	7
Volk Capital	7
Фронтальная атака, а не реакция	10
Левиафан жив	11
Социальный опиум и животное по имени человек	13
Эволюционное либертарианство	15
Три опоры палеоконов	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Квин Слободян
Орден либералов. Как общество Мон
Пелерин испортило жизнь всему миру

Документальный триллер

Серия «Документальный триллер»



© Слободян К., 2026
© Катайцева Э. С., перевод, 2026
© Нигматулин М. В., перевод, 2026
© ООО «Издательство Родина», 2026

Введение

Volk Capital

Вместе мы продвигаем новый фьюжнизм, утверждающий, что, как знал Мизес, между культурой, экономикой и политикой существует железная связь.
– *Лью Рокуэлл*

В 2006 году Чарльз Мюррей, многолетний сотрудник аналитических центров и неутомимый сторонник возрождения расовой науки, выступил с программной речью на «Ужине Свободы», посвященном двадцать пятой годовщине международного центра неолиберальных аналитических центров – Atlas Economic Research Foundation. Будучи членом Общества «Мон-Пелерин» с 2000 года, Мюррей использовал свое время, чтобы пересказать избитую историю о том, как Рональд Рейган и Маргарет Тэтчер предоставили возможность идеям Фридриха Хайека, Людвига фон Мизеса и Милтона Фридмана прорваться, чему способствовали «Като, Херитидж, Гувер и десятки аналитических центров по всему миру, которые взрастил Atlas». Заглядывая в будущее, Мюррей спросил, о чем они будут говорить на встрече Atlas, посвященной его пятидесятилетию в 2031 году. Это будет не об экономической свободе, свободной торговле, гениальности предпринимателя или любых других стандартных темах неолиберального сценария. Он предсказал, что они будут говорить о науке.

«Последние сорок лет, – сказал он, – боевым кличем левых было „равенство“». Наука нанесет смертельный удар этому требованию. «Взрывной рост генетических знаний, – сказал он, – означает, что в течение нескольких лет наука окончательно продемонстрирует, чем именно женщины отличаются от мужчин, черные от белых, бедные от богатых или, скажем, чем голландцы отличаются от итальянцев». Если враг, по своей сути, – это утверждение о равенстве людей, то наука нанесет последний удар. Подтверждение существования непреодолимых групповых различий оставит пустоту «в моральной вселенной левых», предсказал Мюррей. «Если социальная политика не может строиться на предпосылке, что групповые различия должны быть устранены, то на чем же тогда ее можно строить?» В том же году, когда он произнес эту речь, он утверждал в одной из своих редких рецензируемых статей, что сохранение различий в интеллекте между черными и белыми делает политику позитивной дискриминации несостоятельной.

Несколько лет спустя Мюррей развил эту тему на встрече Общества «Мон-Пелерин» в экзотическом месте – на Галапагосских островах. Название встречи было «Эволюция, науки о человеке и свобода», а его доклад назывался «Переоткрытие человеческой природы и человеческого разнообразия» – процесс, который, по его словам, должен был произойти благодаря новым открытиям в генетике. Они приведут к «возврату к древним представлениям о человеческом животном». Это привело бы к повторному подтверждению дискредитированных предрассудков как научных истин. Он остановился на вопросе расовых различий. «На протяжении всего XIX века и первой половины XX века, – писал он, – физические антропологи принимали концепцию расы почти единогласно». Монументальный труд Карлтона Куна «Происхождение рас» (1962) «не вызвал возмущения, когда появился», – утверждал он. (Неправда; на самом деле он «вызвал огромные споры в антропологическом сообществе»). Два события привели к тому, что он назвал «интеллектуальным затмением человеческой природы и человеческого разнообразия в Соединенных Штатах»: движение за гражданские права и феминистское движение. С тех пор политические события затмили первобытные истоки различий не

только между расами, но и между полами. Апеллируя к социобиологии и эволюционной психологии, разработанным в Гарвардском университете Э. О. Уилсоном, Робертом Л. Триверсом и его ученицами Ледой Космидес и Джоном Туби (последние двое присутствовали на Галапагосах), Мюррей утверждал, что мы до сих пор несем в себе бинарные гендерные различия как наследие саванны. «Мужчины, которые могли обрабатывать траектории в трех измерениях – траекторию, скажем, копья, брошенного в съедобное млекопитающее, – имели преимущество в выживании, – сказал он в Эквадоре. – Женщины занимались собирательством. Те из них, кто мог различать сложные массивы растительности, запоминая, какие растения ядовиты, а какие питательны, также имели преимущество в выживании». Именно поэтому, утверждал он, «повышенные трехмерные зрительно-пространственные навыки» у мужчин и «повышенная способность запоминать объекты и их относительное расположение» у женщин «проявляются в тестах на эти способности и сегодня». Возвращение к природе было необходимо для подтверждения иерархий, заложенных в генетике, которые были поставлены под сомнение *insurgent* социальными движениями и прогрессивными идеологиями. Разрушение табу, связанных с расовыми и гендерными различиями, было необходимо не только для борьбы с пагубными последствиями того, что Мюррей называл «Предпосылкой Равенства», но и для лучшего распознавания и организации структур способностей в меняющейся экономике.

Эта книга доказывает, что апелляция к природе была центральной частью неолиберального решения проблемы, с которой они столкнулись в десятилетия после Холодной войны. Это была эпоха, когда коммунизм умер, но, как они выражались, Левиафан жил. Государственные расходы продолжали расти, даже когда капитализм стал единственной выжившей экономической системой. За этим стояла политическая проблема. Социальные движения 1960-х и 1970-х годов впрыснули яд гражданских прав, феминизма, позитивной дискриминации и экологического сознания в жилы политического организма. Атмосфера политической корректности и «виктимологии» подавляла свободный дискурс и питала культуру государственной зависимости и особых требований. Неолибералам нужно было противоядие.

Будучи озадаченными *persistent* требованиями исправления неравенства в ущерб эффективности, стабильности и порядку, неолибералы обратились к природе в вопросах расы, интеллекта, территории и денег как к способу воздвигнуть бастион против нарастающих требований прогрессистов и, надеялись они, обратить вспять социальные изменения, чтобы вернуться к иерархии гендерных, расовых и культурных различий, которые, как они воображали, коренятся как в генетике, так и в традиции.

Неолибералы всегда были озабочены в неэкономических условиях выживания капитализма, но обычно они фокусировались на праве, религии и морали. Растущее влияние идей Фридриха Хайека о культурной эволюции и мейнстримовая популярность нейронауки и эволюционной психологии заставили многих обратиться к «жестким» наукам. Изменение демографии – старение белого населения на фоне растущего небелого населения – заставило некоторых правых неолибералов и либертарианцев пересмотреть условия, необходимые для капитализма. Возможно, некоторые культуры и даже некоторые расы могут быть предрасположены к рыночному успеху, а другие – нет? Возможно, культурная однородность является предварительным условием социальной стабильности, а значит, и мирного осуществления рыночного обмена и пользования частной собственностью?

Я называю новое течение неолиберального движения, которое кристаллизовалось в 1990-х годах, «новым фьюжнизмом». В то время как оригинальный фьюжнизм 1950-х и 1960-х годов и Новые правые объединяли либертарианство и религиозный традиционализм в стиле Уильяма Ф. Бакли и *National Review*, новый фьюжнизм защищал неолиберальную политику с помощью аргументов, заимствованных из когнитивной, поведенческой и эволюционной психологии, а в некоторых случаях – из генетики, геномики и биологической антропологии. Еще в 1987 году консервативный историк Пол Готфрид, который вместе с Ричардом Спенсером ввел

термин «альтернативные правые», определил этот новый фьюжнизм справа. В то время как старые консерваторы, возможно, использовали язык религии для подтверждения утверждений о человеческих различиях, Готфрид отметил, что они начали использовать такие дисциплины, как социобиология, дисциплина, созданная экологом Э. О. Уилсоном для того, чтобы, по словам Уилсона, «биологизировать» вопросы человеческой этики. Новый фьюжнизм использует язык науки, чтобы оправдать распространение конкурентной динамики все глубже в социальную жизнь.

Фронтальная атака, а не реакция

Выявление подъема нового фьюжнизма предлагает новый взгляд на историю возрождения ультраправых в последние годы. Хотя стало популярным описывать «реакцию» против сил неолиберальной глобализации, внимание к маловероятным коалициям, описанным в этой книге, дает иную картину. Как мы увидим, новые фьюжнисты формировали союзы с поборниками традиционализма, национализма и культурной однородности. Среди новых фьюжнистов мы находим самопровозглашенных «палеолибертарианцев», которые стремились строить свои утверждения на фундаменте биологии и неизменных различий. Правые неолибералы, присоединившиеся к новым популистским партиям, а в некоторых случаях и основавшие их, не отвергали динамику рыночной конкуренции; они ее углубляли. Либертарианцы, выступающие за «закрытые границы», продолжали требовать свободного движения капитала и товаров; они просто проводили жесткую линию против определенных категорий людей. Как я утверждаю в главе 3, требование этногосударства лучше понимать как требование «этноэкономики».

Новый фьюжнизм набирал обороты в дезориентирующую эпоху, наступившую после окончания Холодной войны. Существующие исследования неолиберализма плохо объясняют период, в котором неолибералы, как предполагалось, были на пике своего могущества: 1990-е и 2000-е годы. Именно тогда, как нам говорят, неолибералы разгромили своих врагов, выиграли битву с коммунизмом и привлекли международные финансовые институты к осуществлению своего мироизменяющего проекта. Можно было бы простить того, кто предположил бы, что объяснять больше особо нечего. Должно быть, неолибералы провели это десятилетие, полируя бюсты Мизеса и Хайека, чтобы установить их в библиотеках и на площадях по всей Восточной Европе, и злорадствуя по поводу своих побед. Но это было совсем не так. Фактически, оглядываясь на встречи неолибералов после падения Берлинской стены и распада Советского Союза, можно обнаружить нечто поразительное. Казалось, они боялись, что Холодная война была проиграна.

«Уместно, что Общество „Мон-Пелерин“, ведущая в мире группа ученых-сторонников свободного рынка, проводило встречу на той неделе, когда коммунизм рухнул в Советском Союзе», – сообщала Wall Street Journal в сентябре 1991 года, но собравшиеся видели, что «когда коммунизм уходит с исторической сцены, главная угроза свободе может исходить от утопического экологического движения, которое, подобно социализму, рассматривает благосостояние человеческих существ как подчиненное „высшим“ ценностям». Коммунизм был хамелеоном. Он менял окраску с красной на зеленую. «Отразив красный прилив, мы теперь в опасности быть поглощенными зеленым», – предупреждал Фред Смит из Института конкурентного предпринимательства на встрече Общества «Мон-Пелерин» десятилетием позже. «Силы, которые когда-то маршировали под знаменем экономического прогрессивизма, перегруппировались под новым экологическим знаменем».

В интервью журналисту и позже ставшему сторонником ограничений Питеру Бримелоу в 1992 году Милтон Фридман выразил схожее мнение. На вопрос об окончании Холодной войны он ответил: «Посмотрите на реакцию в США на падение Берлинской стены. ... Не было никаких встреч на высшем уровне в Вашингтоне о том, как сократить размер правительства. О чем была встреча на высшем уровне? О том, как увеличить государственные расходы. Что делал этот supposedly правый президент, мистер Буш? Он руководил огромным ростом патернализма – Закон о чистом воздухе и Закон об американцах с ограниченными возможностями, так называемый закон о квотах по гражданским правам». Фридман видел в экологической защите и «особых интересах» инвалидов и меньшинств зоны роста посткоммунистического этатизма.

Левиафан жив

«Враг мутировал», – писала экономист Виктория Керзон-Прайс, одна из всего лишь трех женщин-президентов Общества «Мон-Пелерин». «В 1947 году основатели нашего Общества сражались с откровенным коммунизмом, планированием и жестким кейнсианством. Сегодня наши оппоненты более неуловимы». На самой первой встрече MPS после падения стены в Берлине, проходившей в Мюнхене, в часе езды на поезде, президент и итальянский экономист Антонио Мартино заявил, что «социализм мертв, этатизм – нет». Тремя самыми большими угрозами были названы экологическое движение, государственные расходы и европейская интеграция. По поводу первой собравшиеся услышали, что истощение озонового слоя с таким же успехом может быть следствием зарослей ламинарии, океанских течений и вулканов, как и человеческой деятельности. Более насущной была проблема Европы. Наднациональные институты, которые когда-то обещали стать двигателями того, что Керзон-Прайс называла «моделью интеграции Феррари» – ускоряющей конкуренцию на рынках труда, товаров и финансов, – оказались троянскими конями социализма. Параллель между объединением Европы и распадом советского блока показалась многим либертарианцам зловещей и пугающей. «Было бы иронией истории, – сказал немецкий историк науки Герард Радницкий на встрече MPS в Мюнхене, – если бы в то время, когда „постсоциалистические“ страны пытаются десоциализироваться, совершить переход к свободе, европейское супергосударство встало бы на путь увеличения правительства и бюрократии, к ползучему социализму, а значит, к меньшей свободе и меньшему росту».

Европа была лишь частью проблемы. «Левиафан не только жив, – писал Радницкий, – но и растет». На встрече следующего года новый президент, экономист из Чикагского университета Гэри Беккер, повторил рефрен: «Может показаться, что миссия MPS в значительной степени выполнена с крахом коммунизма в большей части Восточной Европы. ... Но, к сожалению, еще многое предстоит сделать. Подавляющее большинство населения мира до сих пор живет в странах, которые резко ограничивают как экономические, так и политические свободы. И даже в демократических странах Западной Европы, США и других странах государственный контроль и регулирование экономической деятельности расширяются, а не сокращаются».

Часть проблемы для неолибералов заключалась в том, что они были настолько сосредоточены на своем противнике, что не уделили достаточно времени размышлениям о том, как будет выглядеть первый день в их утопии. Неолиберальная дилемма в конце Холодной войны заключалась в том, что десятилетия «коллективизма» и государственной зависимости – даже в капиталистическом мире – подорвали добродетели самостоятельности, которые позволили бы воспроизводить общественную жизнь. Выступая на юбилейном пятидесятом собрании MPS в Гуверовском институте в 1997 году, президент Фонда Брэдли, член MPS Майкл С. Джойс, сказал, что «внимание неизменно не фокусировалось на очень важной и очень отрезвляющей реальности. Если бы завтра у нас появились политические силы, чтобы демонтировать государство всеобщего благосостояния, и мы приступили бы к его демонтажу, мы столкнулись бы с пугающим, но неизбежным фактом: за государством всеобщего благосостояния нет почти ничего».

Собственная логика неолибералов диктовала, что зависимость, порожденная государством-нянькой, оставила тонкие корни там, где должна быть плотная соединительная ткань сообщества и семьи. «Механизмы, которые существовали до государства всеобщего благосостояния и в некоторой степени служили для выполнения его функций, исчезли», – заметил Джойс. Это создавало проблему: «расплывчатое и привлекательное обещание того, что частный сектор и свободный рынок мгновенно заполнят пустоту – как Афина, рожденная из головы

Зевса, – заменив таким образом государство всеобщего благосостояния и сделав новый порядок приемлемым для наших граждан, является совершеннейшей химерой». Здесь мы обнаруживаем нечто примечательное. Дело было не только в том, что неолибералы отрицали свою победу в Холодной войне. Они боялись реальности, которая возникла бы, если бы они действительно победили.

Социальный опиум и животное по имени человек

Чарльз Мюррей развил эту тему в статье, распространенной на встрече Общества «Мон-Пелерин» в Канкуне, Мексика, в 1996 году. Поскольку «радикальная либеральная реформа... сейчас кажется потенциально достижимой в Соединенных Штатах», нелибералам нужно было подумать о «том, как можно ожидать, что либеральное государство будет справляться с человеческими страданиями, которые сохраняются после проведения либеральной политики». Мюррей, несомненно, помня об огромном разрушительном процессе, запущенном экономической шоковой терапией в постсоветской России в то время, когда он писал, с одобрением процитировал аналогию Герберта Спенсера, сравнивавшего общество с человеком, зависимым от наркотиков: «переход от государственной благотворительности к здоровому состоянию самопомощи и частной благотворительности должен быть подобен переходу от жизни, питаемой опиумом, к нормальной жизни – болезненному, но исцеляющему».

Абзац, из которого была взята эта цитата, был безжалостен в своем негативном евгеническом суждении. «Породив неразумными установлениями большое количество людей, неприспособленных к требованиям общественной жизни и являющихся поэтому источником страданий для себя и других, – писал Спенсер в 1898 году, – мы не можем подавить и постепенно уменьшить эту массу относительно никчемных людей, не причиняя сильной боли. Зло было совершено, и расплата должна быть уплачена». Здесь он приводит «социальное опиумокурение» пособий и государственной помощи как лишь отсрочку неизбежной ломки и «страданий». Можно было надеяться, что наркоман выздоровеет. Как указывал Мюррей, многие нелибералы утверждали, что «последние тридцать лет представляют собой отклонение, которое противоречит человеческой природе, и все, что требуется для здоровья, – это прекратить вводить яд и позволить процессу исцеления начаться». Однако это оставалось лишь гипотезами, и «ученым еще предстоит подкрепить их данными». Именно потому, что нелибералы были так близки к успеху, им нужно было трезво смотреть на болезненный переход из мира социального государства. Будет ли возможно выздоровление масс или, как в расчетах Спенсера, само существование зависимого населения было проблемой, требующей решения?

В 1990-е годы нелибералы и либертарианцы утверждали, что будущее общество должно строиться с нуля. Необходимо было вернуться к первоосновам, начать широкую дискуссию о положении человека и предпосылках рыночного порядка. Это означало смену фокуса. «Крайне важно отойти от тенденции придавать слишком большой вес чисто экономическим вопросам, – писали члены Мон-Пелеринского общества Паскаль Салин и Анри Лепаж. – Мы должны диверсифицировать наш интеллектуальный кругозор, привлекая больше ученых из других дисциплин: историков, философов, политологов, юристов, антропологов. Наш выбор тем должен быть расширен до более философских, политических или социологических вопросов».

И тут в игру вступает наука и возврат к природе. «Большая часть либеральной мысли исходила из того, что человеческое животное приспособлено для либерализма везде и при любых обстоятельствах, – писал Мюррей. – Если либеральные институты созданы, правильное поведение последует. Возможно, в одних культурах установить эти институты будет труднее, чем в других, но, будучи установленными, они сделают свое дело. Так ли это на самом деле? Я осторожно оптимистичен. Я думаю, что в очень долгосрочной перспективе – возможно, столетиях – это предположение на самом деле верно. Но в краткосрочной перспективе это далеко не так очевидно. Может ли Россия стать процветающим либеральным государством в обозримом будущем, независимо от того, какие законы будут приняты? А Иран? А Танзания? А Перу? Одно только перечисление стран подчеркивает, насколько различны культурные препятствия, которые каждая из них должна преодолеть». Мюррей писал, что «сейчас уже не подлежит серьезному научному спору тот факт, что очень многие из наиболее индивидуаль-

ных человеческих способностей закрепляются еще до того, как человек достигает возраста, в котором он может хоть как-то на них повлиять\... Из вариативности, обусловленной средой после рождения, многое определяется в течение первых нескольких лет жизни – вероятно, в течение первых месяцев жизни. Это сочетание генетических и ранних средовых влияний настолько сильно, что показатели IQ стабилизируются примерно к шести годам, еще до того, как кого-то можно назвать самостоятельным моральным субъектом». Преимущества, ведущие к долгосрочному процветанию, были глубоко укоренены в конкретных культурах и не могли быть легко извлечены или воспроизведены.

Эволюционное либертарианство

Герард Радницкий развил этот подход, сказав об «эволюционном либертарианстве» Хайека и австрийской школы, что «его центральным положением является утверждение, что существует человеческая природа и она является частью нашего филогенетического наследия». Этому он противопоставил социалистическое убеждение, что человек – это «чистая доска, чье филогенетическое наследие ничтожно по сравнению с влиянием на него социальной среды». Если это был рыночный фундаментализм, то он был прочно основан на вере в науку о природе и человеческих различиях.

Подобно Радницкому, многие новые фьюжнисты черпали вдохновение в погружении Хайека в темы эволюции, морали и демографии в конце его жизни. Как утверждается в первой главе, мы не можем понять непреходящий статус этих тем в неолиберальных дискуссиях или назначение Чарльза Мюррея на должность почетного профессора культурологии имени Фридриха Хайека в Американском институте предпринимательства, не углубившись в области, с которыми мало кто из непосвященных знаком. Однако я ставлю под сомнение легитимность интеллектуального родства, на которое претендуют эти мыслители. В 1993 году канадский интеллектуал Джон Ролстон Сол изложил запутанную историю разума и рациональности в западной философии и политике в книге под названием «Бастарды Вольтера». Отчасти отдавая дань уважения этой книге, которая так много значила для меня, когда я подростком рылся на полках букинистических магазинов на острове у западного побережья Северной Америки, я называю своих персонажей «бастардами Хайека», потому что многие из них впадают в те самые интеллектуальные ошибки, которые диагностировал сам Хайек. Превыше всего – опасность того, что Хайек называл «сциентизмом» и «притязанием на знание». Как намеренно, так и нет, эти мыслители отдавали плохую дань уважения своему учителю. Как показывают последующие главы, те, кто обращался к собственному учителю Хайека, Людвигу фон Мизесу, как к своему интеллектуальному центру, также часто неверно истолковывали и расширяли труды своего наставника, чтобы они соответствовали их политике. Смысл не в том, чтобы спасти честь мудрецов австрийской школы, а в том, чтобы показать, как идеи инструментализируются, адаптируются и используются в качестве оружия, принимая различные формы в разных контекстах, в то время как родословные скрывают мутации от поколения к поколению.

Сциентизация неолиберальной мысли в новом фьюжнизме является очередным витком спирали в аргументе, доминировавшем с 1930-х годов, что неолиберализм – это не столько доктрина рынка, сколько то, что некоторые из них называют метарынком. Бегство к природе – это попытка обосновать неолиберализм чем-то, находящимся за пределами социального. Ключевой фигурой в новом фьюжнизме расовой теории и либертарианства был сам Мюррей, член MPS и самопровозглашенный либертарианец, который на протяжении более двух десятилетий сочетал генетические заявления с разговорами о семейных ценностях и самодостаточности и стал любимцем расистских правых. Более непосредственно в политику был вовлечен самопровозглашенный австрийский экономист и либертарианец Мюррей Ротбард, также член MPS, который консультировал кандидата в президенты от республиканцев Патрика Дж. Бьюкенена и изложил стратегию «палеопопулизма» в начале 1990-х годов как способ использования выборной демократии в качестве перехода к либертарианской цели – обществу без государства. Он занимал жесткую позицию в отношении расовых различий и рассматривал, например, распад Югославии как доказательство того, что культурно однородное отделение является единственной жизнеспособной формой организации.

Интеллектуальный наследник Ротбарда Ханс-Херманн Хоппе, выступавший на собраниях MPS, еще больше радикализировал программу своего наставника, заклеив демократию как «бога, который потерпел неудачу», предложив расовые объяснения моделей экономи-

ческого поведения и создав форумы для обмена между теоретиками евгеники, этнического сецессионизма и австрийской экономики. Хоппе был активен как в США, так и в Центральной Европе, выступая в качестве моста к диссидентским членам MPS в Германии и Австрии, которые стремились создать свои собственные союзы справа от мейнстримных партий, чтобы противодействовать как европейской интеграции, так и демографической угрозе небелой эмиграции.

В Германии позиция расистских правых кристаллизовалась в маловероятной фигуре члена СДПГ с партбилетом и члена совета директоров Центрального банка в 2010 году. Книга Тило Заррацина «Германия самоликвидируется» была продана тиражом более 1,5 миллиона экземпляров и опирается на тот же массив исследований, что и Мюррей, Ротбард и Хоппе, чтобы обосновать тезис о расовых различиях в когнитивных способностях. Синтез Заррацином свободной торговли, независимой денежно-кредитной политики и биологического расизма является интеллектуальным ядром повстанческой партии «Альтернатива для Германии» (AfD) и Австрийской партии свободы. Риторика Хоппе о насильственном подавлении различий и программа расистского сецессионизма были восприняты альтернативными правыми.

Внимание к новому фьюжнизму и бастардам Хайека помогает прояснить некоторую путаницу в осмыслении политики последних нескольких лет. Со времени политических сюрпризов – голосования за Брексит и победы Трампа в 2016 году – существует упорная история, объясняющая так называемый правый популизм как низовое отвержение неолиберализма, часто описываемого как рыночный фундаментализм, или вера в то, что у всего на планете есть цена, границы устарели, мировая экономика должна заменить национальные государства, а человеческая жизнь сводится к циклу «зарабатывай, трать, занимай, умирай». Эти «Новые» правые, напротив, утверждают, что верят в народ, национальный суверенитет и важность культуры. Поскольку мейнстримные партии теряют поддержку, элиты, продвигавшие неолиберализм из корыстных интересов, кажется, пожинают плоды неравенства и демократического бесправия, которые они посеяли.

Но, как помогает прояснить эта книга, эта история не отражает всей правды. Присмотревшись внимательнее, мы можем увидеть, что важные фракции формирующихся правых на самом деле были мутировавшими штаммами неолиберализма. Партии, называемые правопопулистскими, от США до Британии и Австрии, редко были ангелами-мстителями, посланными поразить экономическую глобализацию. Они предлагают мало планов по обузданию финансов, восстановлению золотого века гарантированной занятости или прекращению мировой торговли. По большому счету, призывы так называемых популистов к приватизации, дерегулированию и резкому сокращению налогов взяты прямо из пособия, которое использовали мировые лидеры последние тридцать лет.

Еще более фундаментально то, что понимание неолиберализма как апокалиптической гипермаркетизации всего сущего одновременно и расплывчато, и вводит в заблуждение. Как теперь показывают многие исторические исследования, неолибералы, собиравшиеся вокруг основанного Хайеком Общества «Мон-Пелерин» (который использовал термин «неолиберализм» для самоописания вплоть до 1950-х годов), вовсе не вынашивали видение капитализма без государств. Напротив, почти столетие они размышляли о том, как необходимо переосмыслить государство, чтобы ограничить демократию, не устраняя ее полностью, и как национальные и наднациональные институты можно использовать для защиты конкуренции и обмена. Когда мы видим в неолиберализме проект перенастройки государства для спасения капитализма, его предполагаемая оппозиция популизму справа начинает исчезать.

И неолибералы, и Новые правые презируют эгалитаризм, глобальное экономическое равенство и солидарность за пределами нации. Оба видят капитализм как неизбежность и судят граждан по меркам производительности и эффективности. Возможно, самое поразитель-

ное, что оба черпают вдохновение из одного и того же пантеона героев. Показательный пример – сам Хайек, который является иконой по обе стороны разрыва между неолибералами и популистами. Выступая вместе с Марин Ле Пен на партийном съезде французского Национального фронта в 2018 году, самопровозглашенный популист Стив Бэннон осудил «истеблишмент» и «глобалистов», однако построил свою речь вокруг метафоры самого Хайека о дороге к рабству и призвал авторитет имени учителя. «Центральное правительство, центральные банки, коррумпированные капиталистические технологические компании контролируют вас и тремя способами привели вас на Дорогу к рабству, – сказал он. – Центральные банки заняты обесцениванием вашей валюты, центральное правительство занято обесцениванием вашего гражданства, а коррумпированные капиталистические технологические державы заняты обесцениванием вашей личности. Хайек сказал нам: Дорога к рабству придет через эти три вещи».

Менее важной, чем едва уловимая связь с реальными трудами Хайека, была рефлексорная апелляция Бэннона к австрийскому мыслителю как к источнику авторитета. За неделю до этого в Цюрихе Бэннон также призывал Хайека. Там его принимал издатель газеты, политик правой Швейцарской народной партии и член Общества Фридриха Хайека Рогер Кёппель, который вручил Бэннону первый номер их газеты *WirtschaftsWoche*, шепнув при этом, что он «из 1933 года» – времени, когда эта самая газета поддерживала захват власти нацистами. «Пусть называют вас расистами, – сказал Бэннон в своей агитационной речи, – пусть называют вас ксенофобами. Пусть называют вас нативистами. Носите это как знак почета». Цель популистов, сказал он, состоит не в максимизации акционерной стоимости, а в «максимизации ценности гражданства». Это звучало меньше как отвержение неолиберализма и больше как углубление экономической логики в самое сердце коллективной идентичности.

Будучи в Европе, Бэннон также встретился с Алис Вайдель, бывшим консультантом *Goldman Sachs* и одним из двух лидеров правопопулистской партии «Альтернатива для Германии» (AfD), а также членом немецкого Общества Фридриха А. Хайека до начала 2021 года. Другой член AfD, бывший либертарианский блогер и консультант по золоту Петер Бёрингер, чья история подробно рассказана в главе 5, также является членом Общества Хайека, депутатом Бундестага от Амберга в Баварии и председателем парламентского бюджетного комитета. В сентябре 2017 года бывшее издание Бэннона, *Breitbart.com*, опубликовало интервью с Беатрикс фон Шторх, заместителем председателя партии AfD и еще одним членом Общества Хайека. Она объяснила, как Хайек вдохновил ее на стремление «восстановить семью». В соседней Австрии переговорщиком по недолговечной коалиции правой Австрийской партии свободы с Австрийской народной партией была директор венского Института Хайека Барбара Кольм.

Три опоры палеоконов

Наоми Кляйн запомнилась описанием неолиберализма как «доктрины шока»: нагрянуть во времена бедствий, выпотрошить и распродать государственные службы, передать контроль от государств корпорациям. Вашингтонский консенсус, описанный экономистом Джоном Уильямсоном в 1989 году, является, пожалуй, самым известным примером неолиберального решения: список из десяти обязательных действий для развивающихся стран – от налоговой реформы до либерализации торговли и приватизации. С этой точки зрения неолиберализм может выглядеть как книга рецептов, панацея и универсальное средство на все случаи жизни. Но труды самих неолибералов предлагают иную картину – и именно туда мы должны обратиться, чтобы понять эти кажущиеся противоречивыми политические проявления. Когда мы это делаем, мы обнаруживаем, что неолиберальная мысль наполнена не решениями, а проблемами. Могут ли судьи, диктаторы, банкиры или бизнесмены быть надежными стражами экономического порядка? Можно ли создать институты, или они должны вырасти? Как можно добиться принятия рынков людьми перед лицом их частой жестокости? Радницкий хорошо уловил эту загадку в эпиграфе к своей статье для встречи MPS в Мюнхене. Это была цитата из Энтони де Жасая: «Последняя дилемма демократии заключается в том, что государство должно, но не может, свернуть само себя».

Неолибералы расходились во мнениях о том, какие институты защитят капитализм от демократии. Одни защищали возврат к золотому стандарту, в то время как другие утверждали, что валюты должны иметь свободно плавающий курс. Одни боролись за жесткую антимонопольную политику, другие принимали некоторые формы монополий. Одни считали, что идеи должны циркулировать свободно, другие выступали за сильную защиту интеллектуальной собственности. Одни считали религию необходимым условием для либерального общества, другие видели в ней нечто необязательное. Большинство рассматривало традиционную семью как основную экономическую и социальную единицу, но другие были не согласны. Одни видели неолиберализм в разработке правильной конституции, другие считали конституцию в демократии – используя запоминающуюся гендерную метафору де Жасая – «поясом верности, ключ от которого всегда находится в пределах досягаемости носителя».

Однако по сравнению с другими политическими и интеллектуальными движениями наиболее примечательным было отсутствие серьезных сектантских расколов внутри неолиберального движения. С 1940-х по 1980-е годы центр более или менее удерживался. Единственный крупный внутренний конфликт произошел в начале 1960-х годов с отчуждением одного из ведущих мыслителей движения и так называемого интеллектуального отца социального рыночного хозяйства, немецкого экономиста Вильгельма Рёпке. То, что раскол Рёпке с другими неолибералами произошел на фоне его крикливой защиты апартеида в Южной Африке и принятия теорий биологического расизма, которые постулировали общую западную культуру и общую наследственность как предварительное условие функционирующего капиталистического общества, предвещало более поздние конфликты. Хотя открытое принятие белизны было маргинальной позицией в 1960-х годах, эта книга показывает, что она вернется, чтобы разделить неолибералов в последующие десятилетия.

К началу 1980-х годов Хайек начал говорить о традиции как о необходимом ингредиенте «хорошего общества». Вопрос о границах групп, определяемых традицией, приобрел высокие ставки. Выступая в Фонде «Наследие» в 1982 году, он говорил о «нашем моральном наследии» как об основе здоровых рыночных обществ. В 1984 году он писал, что «мы должны вернуться к миру, в котором не только разум, но разум и мораль как равные партнеры должны управлять нашей жизнью, где истина морали – это просто одна моральная традиция, традиция христианского Запада, которая создала мораль в современной цивилизации». Следствие было ясным.

Некоторые общества развили культурные черты личной ответственности, изобретательности, рационального действия и низкого временного предпочтения в течение долгих периодов; другие – нет. Поскольку эти черты также нелегко импортировать или пересадить, эти менее культурно развитые общества – другими словами, развивающийся мир – должны будут пережить долгий период диффузии, прежде чем догнать Запад – конечная точка, наступления которой он не гарантировал.

Кризисы, последовавшие за 2008 годом, создали условия для новых мутаций неолиберальной мысли, а также для новых расколов. Прибытие более миллиона беженцев в Европу в течение 2015 года создало возможность для новой успешной политической гибридизации, сочетающей ксенофобию с ценностями свободного рынка. Новая формула, найденная в расе, культуре и нации, представляет собой самый последний штамм прорыночной философии, основанной не на идее, что мы все одинаковы, а на том, что мы фундаментально, и, возможно, навсегда, различны. Статья о подъеме ультраправых в Германии называлась «Между капиталом и народом». Но, возможно, имеет больше смысла объединить их, как это делают сами их сторонники. Мы могли бы назвать это языком народного капитала. Новые фьюжнисты присваивают странам средние показатели интеллекта, что коллективизирует и делает врожденным понятие «человеческого капитала». Они добавляют обертоны ценностей и традиций, которые невозможно уловить статистически, переходя в язык национальных сущностей и национального характера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.